

II. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫХ СИМВОЛОВ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

ФЕНОМЕН ГЕРОИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Н.А. Балаклеец
Самара, Самарский государственный
технический университет*

Героизм относится к социально значимым феноменам, которые сохранили свою актуальность и в условиях трансформации ценностно-смысловых ориентиров развития современного общества. Несмотря на широкое распространение установок индивидуализма, гедонизма, нарциссизма в массовом сознании, современная культура продолжает порождать образцы и модели для подражания, транслировать образы значимых Других, которые становятся источником конституирования различных социокультурных идентичностей.

Героизм как утверждение образцов и моделей поведения, выходящих за рамки повседневного человеческого бытия, сохраняет свою значимость и в современную постметафизическую и постгероическую эпоху. Об этом свидетельствует неподдельный интерес наших современников к историческому прошлому, связанный с разочарованием в масштабных социальных проектах, ориентированных на конструирование совершенного будущего. Тяга к мифологическим или религиозным нарративам, включающим героические сюжеты, не изжита даже в эпоху сциентизации и технологизации всех областей социальной жизни. Сказывается не только усталость от модернизации с ее рисками и побочными эффектами, рождающая желание перехода в иной пространственно-временной пласт бытия. Потребность в героических образцах и нарративах обусловлена, на наш взгляд, неизбывной способностью культуры и общества к трансцендированию привычных, повседневных моделей поведения. Конституирование границ и разрывов между различными формами человеческой активности приводит к утверждению социально значимых Других, задающих ценностные векторы социальной динамики. Героический акт как действие, в ходе которого происходит преодоление новых вызовов и расширение границ человеческих возможностей, служит образцом для основанных на нем миметических (подражательных) практик.

Вместе с тем псевдогероические образы значимых Других, порождаемые массовой культурой и ориентированные на подражание (супергерои), имеют принципиальное отличие от образцов подлинного героизма.

На наш взгляд, феномен героизма характеризуется следующими отличительными особенностями. Во-первых, героическое поведение не есть имманентная характеристика человеческого бытия. Оно может проявляться при условии включения наличного бытия в соответствующую ситуацию, которая, подводя его к грани небытия, вместе с тем раскрывает массу возможностей преодоления ограниченности человеческого существования и тем самым служит источником реализации витальных и духовных потенций человека, источником воплощения полноты человеческого бытия. Критерии героизма задаются тем самым конститутивной для него ситуацией и более широким социокультурным контекстом. Так, в условиях массового гедонизма и нарциссизма в качестве «героев будней» (*Helden des Alltags*) чувствуют людей, которые проявляют простую заботу о ближних [2, с. 76]. Подобная практика, низводящая героический поступок к бескорыстному альтруистическому поведению, не связанному со смертельным риском, характерна для так называемых «постгероических обществ» (Г. Мюнклер) [4, с. 189]. «Парадигма обмена», предполагающая получение пропорционального ответа на любое затраченное во имя ближнего усилие, настолько глубоко укоренена на уровне повседневного бытия членов постгероического общества, что отклонение от этой парадигмы, связанное с проявлением способности к самопожертвованию, воспринимается ими как героический поступок. С этим связана следующая выделяемая нами характерная черта героизма.

Во-вторых, героизм трактуется нами как дар, не предполагающий возможности отдаривания. Показательно, что нивелирование бескорыстного смысла дарения характерно не только для современных постгероических обществ. Уже Т. Гоббс в «Левиафане» определяет дарение как небескорыстный поступок, включая его в юридический дискурс. В качестве мотивов дара, понимаемого как одностороннее перенесение права, Гоббсом указываются надежда приобретения дружбы одариваемой стороны или какой-либо услуги от нее; надежда приобретения репутации «милосердного или великодушного человека»; желание избавления «от тяжелого чувства страдания» или надежда на получение посмертной награды [3, с. 92–93]. В целом дар представлен в «Левиафане» как частный случай или разновидность договорных отношений. Целью дарения как добровольного акта является «приобретение блага для себя» [3, с. 105]. На наш взгляд, героический поступок не может быть понят в качестве элемента отношений обмена и в этом заключается его дароносное содержание. Героизм конституирует социальную и экзистенциальную асимметрию, которая не предполагает симметричного ответа.

В-третьих, следует различать героическое событие и конструирующие его нарративы. Героизм не может быть рассмотрен в качестве голого исторического факта. Героическое событие становится объектом знания посредством повествующих о нем нарративов, которые должны служить свидетельствами его истинности. Потребность общества в исторических

свидетельствах героизма объясняется тем обстоятельством, что подлинный герой никогда не признает себя таковым (по крайней мере, публично). Подлинный героизм не может быть представлен в «я-героических» нарративах. Это связано не столько с отсутствием возможности дать слово самому герою (нередко павшему) для рассказа о своем подвиге, сколько с травестированием подобными нарративами ценности и смысла героизма. «Я-героический» нарратив представляется кощунственным, циничным или ироничным в условиях наличия в обществе высоких героических образцов, и лишь в постгероическом обществе такие названия компьютерных игр или музыкальных групп, как «Я герой» или «Мы герои», воспринимаются как нечто естественное [2, с. 78–79].

Героические нарративы, выступающие источником знания о героическом событии, конституируют его в качестве реального референта. При этом эпистемологическая неполнота, свойственная подобным нарративам, и, более того, своеобразное этическое вето на их верификацию являются неотъемлемым условием формирования доверия к их содержанию и придания им статуса нравственных образцов. Героические нарративы, деликатно опускающие нелюбимые подробности жизни воспеваемых ими персонажей, имеют воспитательное значение, на что указывает еще Платон: для воспитания стражей надобно исключить из «повествований и стихов» «сезония и жалобные вопли прославленных героев» [5, с. 101]. Смакование физиологических или психологических подробности подвига, критическая рефлексия над (не)возможностью его свершения лишают фигуру героя и героическую ситуацию ореола тайны. Сохранение в героическом нарративе элементов тайны подвига является условием эстетизации и сакрализации последнего. Как справедливо замечает А. Бадью: «подлинная сущность символической фигуры солдата – в том, что он неизвестен» [1, с. 65–66]. Героический нарратив, утверждающий культ неизвестного солдата, препятствует его оповседневливанию и вульгаризации. Социальная практика мимесиса, обеспечивающая преемственность в развитии культуры, нуждается в героических образцах, которые востребованы и в условиях постгероического общества.

Список литературы:

2. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью. – М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. – 112 с.
3. Балаклеец, Н.А. Пути трансформации героизма в постгероическом обществе / Н.А. Балаклеец [и др.] // Достоинство человека: актуальные измерения (Коллективная монография) / Под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. – М. : Практическая медицина, 2021. – С. 66–80.
4. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 480 с.
5. Мюнклер, Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер. – М. : Кучково поле, 2018. – 384 с.
6. Платон. Государство / Платон. – М. : Академический проект, 2015. – 398 с.